

И. В. Дьяконов, В. В. Рыбаков

JANUA LINGUARUM RESERATA
 («ОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ К ЯЗЫКАМ»)

Я. А. Коменского

[Яромир Червенка. Предисловие к критическому изданию учебника Коменского *Janua*, выпущенному в Праге в 1959 г.]¹

(продолжение)

Давно признано, что изучение творческого наследия основателя современной педагогической науки Я. А. Коменского — задача перво-степенной важности. Наибольших успехов в этой области достигли чешские и немецкие учёные, так что ознакомить русского читателя с их работами крайне полезно. Учебник для школ под названием «Дверь к языкам», которому посвящена публикуемая здесь статья чешского филолога-классика, историка философии и комениолога Яромира Червенки (1903–1983), был впервые напечатан Коменским в 1632 году, после чего выдержал немало переизданий. Однако в России он почти не известен, по крайней мере, он известен гораздо менее, чем трактаты Коменского и его иллюстрированный учебник «Чувственный мир в картинках» (1658). Настоящая публикация ставит своей целью восполнить этот пробел и ввести русскоязычного читателя в проблематику, связанную с *Janua* Коменского.

Ключевые слова: «Открытая дверь к языкам»; учебники для школы; Я. А. Коменский; комениология; философия Нового времени.

I. V. Dyakonov, V. V. Rybakov

JANUA LINGUARUM RESERATA
 (“An OPEN DOOR TO LANGUAGES”)

J. A. Comenius

[Jaromir Cervenka. Preface to the critical edition of the textbook Comenius *Janua*, issued in Prague in 1959]

It is a given fact that such a subject, as Comenius' studies (Comenius being a founder of contemporary didactics) are of a great importance for any seri-

¹ Пер. с лат. И. В. Дьяконова под ред. В. В. Рыбакова. Редактура перевода выполнена в рамках государственного задания ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» на 2017-2019 годы (№ 27.8089.2017/БЧ) «Реализация потенциала историко-педагогических исследований в современном педагогическом образовании».

ous scholar of the history of pedagogical science. The outmost progress of this discipline in the Czech Republic and Germany makes it necessary to inform a Russian reader on the works and results by the researchers from those countries. School textbook *An Open Door to Languages* (original Latin title: *Janua linguarum reserata*, first printed in 1632, then often reprinted) is far from being well-known in Russia, although it represents one of the most important masterpieces of Comenius practical pedagogy. Czech classical philologist and a historian of philosophy Jaromír Červenka (1903–1983) was an important comeniologist of the XXth century, so his preface to the critical edition of Comenius' *Janua* (which is published in Russian translation) includes a lot of important facts concerning the history of this textbook and philosophical influences on it from various sides. This translation is meant as filling the gap in knowledge on Comenius' *Janua* in Russian historical-pedagogical tradition.

Keywords: *Janua linguarum reserata*; school textbooks; John Amos Comenius; comeniological studies; a philosophy of the Modern Times.

III.

Изложив то, что касается содержания «Открытой двери к языкам», перейдем теперь к самой ее истории. Мы упоминали выше, что первоначальный текст «Двери к языкам» вышел в свет в Лешно в марте 1631 г. и впоследствии в этой редакции не издавался, если не считать бременского издания Виллериана 1634 г. Коменский не хотел его переиздавать, с самого начала считая сочинение несовершенным. «Я не желаю и не позволю впредь перепечатывать это первое издание», — писал он Мохингеру, когда еще не завершился 1631 год¹. По этой причине, если бы даже у нас не было иных оснований, кроме этих слов Коменского, то и тогда мы едва ли могли ожидать, что он включил этот текст первого издания в сборник

ODO (то есть в амстердамское собрание педагогических сочинений 1657 года. — *Прим. ред. перев.*). И в самом деле, если сравнить его с текстом, напечатанным в первой части сборника ODO, то обнаружатся многочисленные разночтения не только в мелких, но и в немаловажных деталях.

Ученые мужи, которые исследовали труды Коменского, как мы говорили выше, не приняли во внимание этот факт, и все, за исключением одного лишь Йозефа Шмахи, полагали, что первоначальный текст «Двери» совпадает с тем, что издан в сборнике ODO, — он и представляет собой единственную подлинную версию первой редакции «Двери». Так, Ян Квачала в перечне трудов Коменского² отметил как подлинное только это первое лешненское издание

¹ J. Kvačala. Die pädagogische Reform des Comenius in Deutschland bis zum Anfange des XVIII. Jahrhunderts. Berlin, 1903 (далее: PR). I. p. 17.

² Ibid. II. p. 167.

1631 г., — твердо полагая, что оно соответствует тому, что включено в первую часть сборника ODO, — а Йозеф Ребер скупо говорит о первом лешненском издании: «Амстердамское издание содержит его точную копию: *Opp. did. I, p. 250–302*»¹. Даже в столь точном и более подробном, чем все остальные, сочинении, как то, авторами которого являются Й. В. Новак и Й. Гендрих², мы не находим никакого упоминания о том, что оба текста не тождественны друг другу. Но это вовсе не удивительно. Единственный известный до сих пор экземпляр первого издания, который хранился в городской библиотеке Циттау, было очень трудно достать, и он, конечно, мало кому попадал в руки. Более того, сам Коменский, по-видимому, ввел их в заблуждение, так как из слов, которые он предпослал в ODO первому тексту «Двери», можно было решить, что он приводит здесь первоначальный текст «Двери». Только от Йозефа Шмахи, как мы упоминали выше, не укрылись многочисленные несовпадения в двух текстах³, и он с большой тщательностью сверил оба текста, отметив различия в своем экземпляре ODO, который ныне хранится в библиотеке Пражского университета.

Итак, возникает вопрос: следует ли признать, что у первой редакции «Двери» — две версии; и этот вопрос попытался разрешить Йозеф Шмаха,

причем весьма, если можно так выразиться, оригинальным образом. Он счел, что текст, который мы читаем в ODO, принадлежит Захарии Шнайдеру, профессору Лейпцигского университета, и указал, что Коменский пересмотрел и местами переделал его первое, второе и третье издание⁴, мало того, когда Коменский немного погодя писал чешскую версию «Двери к языкам», которая во многих местах совпадает с амстердамским текстом, то он имел перед глазами издание Шнайдера⁵.

Это мнение Йозефа Шмахи не кажется нам правдоподобным по трем причинам. Вряд ли стоит полагать, что Коменский собирался включить в сборник своих трудов сочинение какого-либо другого автора, не указав его имени; отсутствует также всякое тому подтверждение, каким, например, могло бы быть письмо Коменского к Иоанну Доцемию⁶, из которого можно было бы заключить, будто он просил Шнайдера каким-либо образом улучшить и исправить текст «Двери». Еще невероятнее то, что он при написании чешской версии своей «Двери», которую высоко ценил, брал пример с чужого сочинения, когда хорошо известно, что в первоначальном тексте своей «Двери» он пытался приспособить латинский язык к чешскому⁷. Далее, существует ряд свидетельств того, что Коменский уже в 1631 г.,

¹ J.A. Comenii Physicae ad lumen divinum reformatae synopsis. Gissae, 1896. p. 6, n. 1.

² J.A. Komenský. Jeho život a spisy. Praha, 1932.

³ Komenského Brána jazyků v Čechách. Učitel'ské noviny. VI. 1888. p. 446.

⁴ Ibid. p. 446.

⁵ Ibid. p. 481.

⁶ PR I. p. 31.

⁷ Methodus I. n. XV. 5 – ODO II. p. 183, epist. ad Evenium ex a. 1630 in PR I. p. 12.

после того как вышло то первое издание, переписал его и исправил. В конце 1631 г. он пишет Мохингеру: «Итак, я занят переделкой сочинения, чтобы оно стало лучше и точнее отвечало своей цели»¹, а немного спустя, в начале 1632 г., пишет Винклеру: «Я был занят одним — чтобы второе издание стало более правильным»², что, по-видимому, свидетельствует о том, что сочинение уже было доведено до конца. В начале 1633 г. «Дверь» выходит в Данциге с немецким переводом Иоанна Мохингера и польским Андреаса Венгерсциуса, и мы находим там второе предисловие Коменского, которое следует за текстом «К образованным читателям» и озаглавлено: «И снова здравствуй, читатель»; там мы читаем: «Узнав в этом году мнения разных людей из различных стран и земель по поводу этой моей «Двери к языкам», я, часто побуждаемый разными издателями и прочими, кому была дана надежда, чувствую себя обязанным сделать более расширенный вариант книги, а также указатель и словарь. Больно, однако, от того, что нельзя исполнить обещание целиком. Ведь, хотя мы и приводим этот источник в намного более исправленном виде и пополненным не менее, чем 700 словами, но слова, фразы и прочее все еще не достаточно отшлифованы... Хватит пока что и этого

— чтобы иметь более точную, чем в первом издании, «Дверь», дополненную указателем и снабженную переводом на родной язык; следует напомнить кое-что об отдельных деталях»³. О том же самом «праве автора», как тогда говорили, свидетельствуют и слова, сказанные Коменским 3 ноября 1632 г. и обращенные к данцигскому издателю Андреасу Хюнефельду: «Я уступаю тебе, Андреас Хюнефельд, полное право... печатать и переиздавать... мою книгу под названием «Открытая дверь к языкам», которую я вновь просмотрел, дополнил и исправил, снабдив указателем»⁴. Помимо этого свидетельства самого Коменского можно привести еще также прибавленное к названию бременской «Двери», изданной в 1641 г. в типографии Бертольда Виллериана и совпадающей с амстердамским текстом, замечание: «Второе издание, напечатанное по образцу данцигского, исправленного и дополненного самим автором», и, что имеет решающее значение, свидетельство самого Коменского, писавшего в июле 1633 г. Доцемию: «Шесть месяцев назад в Гданьске вышло издание (т. е. «Двери»), повторно исправленное мною и пополненное примерно тысячей слов»⁵. Итак, следует отбросить все сомнения: данцигское издание от 1633 г., которое почти

¹ PR I. p. 17.

² Ibid. p. 20.

³ С. 7 в нашем издании (*Johannis A. Comenii Janua linguarum reserata. Editio synoptica et critica quinque authenticos textus Latinos necnon Janualem Comenii textum Bohemicum continens. Praecedit commentatio de Comenii Janua linguarum reserata. Ed. J. Červenka. Praha, 1959*).

⁴ J. Kvačala. Korrespondence J. A. Komenského a vrstevníků jeho. Nová sbírka. Praha, 1897 (далее: Кор.). I. p. 171.

⁵ PR I. p. 35.

дословно совпадает с амстердамским текстом в ODO, **дополненное еще** одним предисловием Коменского, напечатанное в данцигской типографии под руководством самого автора, является второй версией ранней редакции «Двери»; его исправленный и, как он сам говорит, отшлифованный текст, заверченный уже в конце 1631 г., Коменский приложил к чешскому переводу и впоследствии включил в сборник ODO. **Так что в ранней редакции «Двери»** следует признать две версии, обе — подлинные тексты Коменского.

По выяснении этого осталось разрешить три затруднения, а именно: во-первых, почему Коменский включил в сборник ODO **этот переделанный** текст ранней редакции «Двери» как текст первого лешненского издания; во-вторых, точка зрения Йозефа Шмаха, который считает, будто данцигское издание вышло первым уже в 1631 г.; в-третьих, упоминание Мохингера в немецком предисловии к данцигскому изданию о том, что «Дверь» была издана в Лейпциге в 1632 г., то есть раньше, чем в Данциге.

Йозефа Шмаху ввело в заблуждение то позднее предисловие Коменского, которое было написано 15 декабря уходящего 1631 года. Хотя вряд ли следует сомневаться в том, что Коменский завершил тогда свое сочинение, ничто, однако, не подтверждает того, что эта книга действительно

вышла в указанное время. То, что Йозеф Шмаха ошибся, подтверждает ряд доводов. Так, 6 сентября 1631 г. Мохингер, который позднее перевел «Дверь» на немецкий язык и позаботился о ее издании в Данциге, пишет Курцману «о некоей «Двери к языкам», изданной в Польше по настоянию Коменского»¹, что доказывает, что тогда он еще знал о ней лишь по наслышке. Не раньше, чем на исходе 1631 г., Коменский пишет Мохингеру, что весьма благодарен ему за то, что тот собирается перевести «Дверь» на немецкий язык². Почти в это же время он уведомляет Доцемя о том, что в Данциге скоро выйдет трехязычная «Дверь»³, и тогда же появляется его второе предисловие к «Двери», о котором мы говорили выше. Но разные случайности задержали издание. Сам Коменский, как кажется, поздно послал Мохингеру свой исправленный текст «Двери», что видно из слов Мохингера в письме Курцману от 12 февраля 1632 г.: «...не напишу, если только у меня не будет готового нового издания «Двери к языкам», которое мы вскоре, как я надеюсь, получим из Польши»⁴. Задержку усугубил спор между данцигскими издателями — Георгом Рецием и Андреасом Хюнефельдом, так как Коменский договорился с Хюнефельдом, а Мохингер обещал право на издание Рецию. Пролетали месяцы, а долгожданная книга все не выходила. Хюнефельд, между тем, подал жало-

¹ Korr. I. p. 12.

² PR I. p. 17.

³ Ibid. p. 19.

⁴ Korr. I. p. 13.

бу на Реция в сенат города Данцига¹, а Коменский уже в начале ноября ожидал со дня на день, что в его руки вот-вот попадет труд, который задержался на такое долгое время, и горько жаловался в письме к Мохингеру на повторную задержку². Наступил декабрь, а дело так и не двигалось с места; это был последний месяц, когда Коменский — напрасно, как оказалось, — ждал из Данцига вести, «не напечатана ли она (Дверь) уже», и неоднократно просил Мохингера не мешкать³. Наконец, в добрый час начался 1633-й год. Мохингер отправил Коменскому экземпляр новоизданной «Двери»⁴, который приглянулся также Курцману, как мы узнаем из его письма Мохингеру от 12 февраля 1633 г.⁵ Все это, сказанное нами, показывает то же, что и слова Коменского в письме Доцемию от июля 1633 г., о котором мы упоминали выше: данцигское издание «Двери» 1633 г. является вторым изданием, подготовленным самим Коменским⁶, — первым же было лешненское, — и до этого в Данциге «Дверь» не выходила. Тем самым точка зрения Йозефа Шахи полностью опровергается.

А что мы можем сказать о лейпцигском издании «Двери»? Нет конечно никаких сомнений в том, что оно вышло позже данцигского, что подтверждается свидетельством не только

Мохингера, но и самого Коменского, так как в письме Винклера на исходе 1632 г. мы читаем: «...латино-немецкий (т. е. источник) будет вскоре напечатан в Лейпциге; так уже договорено между мной и Гроссием»⁷. Но ни там, ни в каком-либо другом месте ничего не говорится о Захарии Шнайдере; до нас не дошло никакого адресованного ему письма Коменского, и нет никакого иного свидетельства, из которого можно было бы заключить, будто Коменский просил его каким-либо образом исправить или дополнить «Дверь». В нашем распоряжении, к большому для нас сожалению, не оказалось ни первого, ни второго лейпцигского издания, но оказалось третье, вышедшее в свет в 1633 г., которое почти дословно совпадает с данцигским и амстердамским изданиями, приводит в названии только имя Коменского и не содержит иного предисловия, кроме того, что начинается обращением Коменского «К образованным читателям». Наконец, четвертое лейпцигское издание от 1634 г. снабжено введением Захарии Шнайдера и содержит расширенный им текст. На основании всего этого можно полагать, что Коменский отправил исправленный на исходе 1631 г. текст своей «Двери» в Лейпциг, и Гроссий напечатал его там с этими изменениями; участвовал ли уже тогда в

¹ PR I. p. 28 sq.

² Ibid. I. p. 30.

³ PR I. p. 22.

⁴ Ibid. I. p. 32 sq.

⁵ Когг. I. p. 16.

⁶ PR I. p. 35.

⁷ Ibid. p. 32.

издании Захария Шнайдер — неясно. Отсюда следует, что три первых лейпцигских издания «Двери», которые вышли в 1632–1633 гг., даже если они и были подготовлены без участия самого Коменского, в отличие от данцигского издания, содержат все же текст Коменского без всяких правок, и по этой причине их следует считать его подлинными текстами.

Рассмотрев все эти обстоятельства, мы можем сделать следующий вывод. Имеется две версии ранней редакции «Двери»: одну из них представляет первое лешненское издание, вторую — издание, исправленное и дополненное самим Коменским, а затем спустя более чем 25 лет включенное им в сборник ODO. Первая версия «Двери» вышла сперва, как мы упоминали выше, в Лешно в 1631 г., причем всего лишь в нескольких экземплярах; ее текст воспроизвело только бременское издание Виллериана от 1634 г. Вторая версия издавалась неоднократно:

1. В Данциге в 1633 г. За этим изданием спустя малый промежуток времени последовали другие — в 1634, 1635, 1637, 1641 гг.: первое из них вышло у Реция, прочие — в типографии Хюнефельда. Греко-латино-немецко-польская «Дверь», изданная в 1643 г. у того же Хюнефельда, и следующее издание 1647 г. дают не истинный текст Коменского, но текст, дополненный Дюемием, что пожелал сделать Хюнефельд, как мы узнаем из его введения. Данцигское издание 1657 г. содержит уже шарошпатакский текст.

2. В Лейпциге в 1632 г., за которым следует новое издание, по-види-

мому, в том же самом году, а затем еще одно — в 1633 г. Последующие издания, первое из которых вышло в 1634 г., были уже переработаны и дополнены Захарией Шнайдером, свидетельством чего является предисловие самого Шнайдера.

3. В Амстердаме — латино-немецко-французский и латино-голландский тексты — в 1638 и 1642 гг. у Иоанна Янсена.

4. В Кельне у Вильгельма Фрисиуса в 1641 г.

5. В Бремене у Бертольда Виллериана в 1641 г.

6. В Леувардене у Гисберта Зибо в 1643 г.

7. В Амстердаме в 1657 г. в сборнике ODO, части I, стр. 250–302, изданием коего труда руководил сам Коменский.

К этим изданиям, которые следует назвать подлинными текстами Коменского, присоединились другие тексты «Двери», разным образом расширенные и дополненные своими издателями, которые мы пока отложили, чтобы вкратце рассмотреть в главе V данного исследования.

К обеим подлинным версиям ранней редакции «Двери к языкам» следует прибавить также третью, написанную автором по-чешски в 1633 г., текст которой, как мы говорили выше, соответствует тому, что был предназначен для данцигского издания, за исключением самых незначительных деталей. Автор написал ее для нужд чешских учеников, как говорится в его собственном предисловии к ней, хотя и неохотно, так как задумал тогда новый метод по-

дачи материала, который должен был сделать его более полным и стройным на всех его уровнях и открыть ворота к знанию не только латинского языка, но и всех свободных наук, и начал писать новую «Дверь». А она, как он говорит, все еще была «в мастерской» (*in officina*) и не готова к изданию. Но, так как некоторые упрекали его, говоря, что нехорошо, мол, что немецкий, польский, французский и английский переводы уже вышли, а чехи, земляки автора, не имеют ее перевода на родной язык, он решил издать ее в той редакции, в какой она была до сих пор, то есть в данцигской редакции, чтобы чешские ученики также имели подходящее средство познания — благодаря этой частице его нового метода, изданной только лишь для того, чтобы узнать мнение о ней¹.

О версиях ранней редакции «Двери» сказано достаточно. То, что Коменский не был доволен ею даже в переделанном виде, мы показали в конце предыдущей главы. Ибо некоторые необходимые для познания всего мира вещи там отсутствовали, а те, которые он там собрал, казались ему связанными и выстроенными отнюдь не лучшим образом; он не находил в своем сочинении той гармонии, которая давала бы истинный и целостный

образ всего мира. Поэтому он обещал, как сам говорит, более совершенный труд уже в предисловии, предпосланном первому изданию², а также во введении к чешскому варианту «Двери», где он признается, что уже знает новый путь для лучшей подачи материала³, и повторяет это намерение в «Речи к жителям Вроцлава» (*Dissertatio ad Vratislavienses*): «Следует лучше работать над тем, чтобы мы действительно имели «Дверь» (что я обещал в первом предисловии), твердо стоящую на прочных столбах самих вещей»⁴. В 1642–1648 гг. он целиком отдался этой работе в Эльбинге, и там появилась другая редакция «Двери», напечатанная в 1649 г. в Лешно; это было не только новое и исправленное издание, но вполне новая книга, как справедливо замечает Штефан Шплайсс в предисловии к шаффаузенскому изданию: «Когда же автор увидел, что может что-то расположить удачнее, а что-то преподать понятнее, он, внося в текст «Двери» последние коррективы, в конце концов так исправил ее и отделал, что она в сравнении с предыдущими изданиями по праву может быть названа совершенно новой и весьма достойной книгой»⁵. Мы рассмотрим эту редакцию в следующей главе.

¹ С. 11 и далее в нашем издании (*Johannis A. Comenii Janua linguarum reserata. Editio synoptica et critica quinque authenticos textus Latinos necnon Janua Comenii textum Bohemicum continens. Praecedit commentatio de Comenii Janua linguarum reserata. Ed. J. Červenka. Praha, 1959*).

² Ibid. p. 7 – ODO I. p. 254.

³ Ibid. p. 11. sq.

⁴ § 65 – ODO I. p. 355.

⁵ PR I. p. 318.

IV.

Поздняя редакция «Двери», завершенная автором в Эльбинге и изданная в 1649 г. в Лешно, является, как мы уже сказали, совершенно новой книгой, заново созданной и не похожей на ту первую, которая, как Коменский уверял с самого начала, была несовершенным и грубым черновым наброском. Если он вступил на путь написания той ранней «Двери», так сказать, наугад, пользуясь знанием, полученным прежде всего из опыта, то к созданию поздней редакции он приступил, вооружившись теорией, которая возникла из наблюдения над языками и которую он сам, много лет занимаясь исследованиями, относящимися к изучению самих корней языка, изобрел и изложил в «Новейшем методе изучения языков», книге досконально продуманной и созданной ценой упорного труда. В гл. 15, которая весьма обширна и дошла до нас в первоначальной рукописи — в бумагах, оставшихся после Самуэля Хартлиба¹, он подробно разбирает «Дверь к языкам», строго критикует ее раннюю редакцию и излагает причины, по которым материал следовало переработать.

Рассмотрим теперь, что Коменский ставил в вину своей ранней «Двери» и как он хотел ее исправить в переработанном издании. В «Новейшем мето-

де изучения языков», после того как он уже переработал старое и подготовил к печати новое издание «Двери», он, вспоминая историю создания этой книги, говорит: «В самом деле, когда я впервые писал «Дверь к языкам», то вначале постоянно ориентировался (об этом уже говорилось) на родной для меня, то есть чешский, язык, чтобы слово соответствовало слову, а фраза — фразе, и порядок слов нигде не менялся²... Теперь, когда принимать во внимание отдельные языки нет смысла, по-видимому, стоит включить сюда только то, что, как говорит разум, является для языков общим»³. Раннюю редакцию «Двери» Коменский, по-видимому, готовил только для нужд своего отечества и приспособлял ее к своему родному языку, подтверждением чему является чешское издание от 1633 г.; теперь же, когда «Дверь» была принята чуть ли не у всех европейских народов и переведена на разные языки, он решил написать книгу для нужд всего круга земного.

Тому, чтобы изложить материал, поданный в ранней редакции «Двери» лучше и изящнее, препятствовал принцип, усвоенный от ирландских отцов, — дабы одно и то же слово не появлялось где-либо в тексте вторично: «В прежнем издании («Двери») анализ вещей не был полным, так как после того как было принято решение не повторять слова и почти не

¹ Тем, что сохранилось от Самуэля Хартлиба, ныне владеет лорд Деламер. Рукописный кодекс «Новейшего метода изучения языков» в ранней редакции обнаружил профессор Дж. Х. Тенбулл, который подарил микрофильм с его текстом Институту Коменского Чехословацкой Академии наук.

² Ср. также: PR I, p. 17.

³ Meth. I. n. XV. 5 – ODO II, p. 183.

использовать их иначе, как только в одном значении, по необходимости пришлось уклоняться от слов и скорее оставлять описание предмета незавершенным или неясным, чем повторять слова». При написании второй редакции Коменский, по его собственным словам, отказался теперь от этой глупости¹.

Но не это оказало решающего влияния на то, что Коменский решил полностью переделать «Дверь к языкам». Мы уже говорили выше, что он и в ранней ее редакции обращал внимание не на изучение одного языка, но на все вещи, на познание их во взаимосвязи всего мира, но этот ее вариант не соответствовал, на его взгляд, своей задаче и плохо описывал непрерывную последовательность вещей, так чтобы одни казались зависящими от других, а все они — связанными между собой. Поэтому он в той же посвященной «Двери» главе в «Методы языков» повторяет, что нужно смотреть не на язык, но главным образом на вещи: «Речь — это словесный образ вещей; ведь она ведется не о чем-то несуществующем, но о вещах, чьи образы тот, кто говорит, представляет в уме и, облачая в слова, передает в ум слушающего»²; в другом месте он утверждает, что познание вещей следует предпочитать познанию языка и слов и что вещи надо изучать вместе со словами

и рассматривать их в виде целостности: «Мы призываем создать некую общую таблицу из вещей и слов, в которой бы все мироздание и вся совокупность человеческой речи располагались параллельно, где простейшие слова и кратчайшие фразы стояли бы исключительно на своем месте и такой единой и непрерывной цепью, что окончание ее обнаружилось бы только в самом конце, а в середине находилось бы все остальное (вещи и слова), так что ничего не нужно было бы повторять; и все было бы ясным, легким и плавным, и каждому из людей это было бы приятно читать, наподобие исторических трудов, и удобно понимать. И всякий, кто это увидел бы, прочел и осознал, уверенно сказал бы, что увидел весь непрерывный ряд вещей и понял весь язык»³. Наконец, еще в одном месте он со всей ясностью излагает суть своего замысла: «Первейшая цель нашего изложения — развернуть табулатуру вещей»⁴.

Итак, при написании этой новой «Двери к языкам» Коменский стремился к тому, чтобы ученики познавали сами вещи, а не только слова, что видно также из письма к Кольбовию, написанного 5 августа 1650 г. Поскольку некоторые, не исключая самого Кольбовия, ставили Коменскому в вину то, что он не включил в заново переработанное издание «Двери» все слова латинского

¹ Ibid. XV. 2 – ODO II. p. 182.

² Ibid. II. 4 – ODO II. p. 21.

³ Ibid. V. 13 – ODO II. p. 53.

⁴ Ibid. XV. 11 – ODO II. p. 185.

языка¹, автор, поясняя, что его сочинение имеет и иную цель, помимо обучения языку, говорит: «Наш замысел «Двери к языкам» имеет иную цель, а именно, чтобы люди имели возможность лучше во всем разбираться и вооружать себя наилучшими для житейских занятий средствами. Ведь здесь содержится и разворачивается перед глазами как бы всеобщая история вещей: приводя все первейшие вещи, какие есть в мире, и облекая их в собственные наименования, она так содействует умам юношей, вводимых в мир и в курс дел, во всем, что им выпадает на долю (или увидеть в самих себе, или обдумать то, что рассказано авторами), как обычно хороший сборник извлечений из руководства по праву помогает тому, кто собирается вступить в богатое наследство»². Итак, Коменский хотел, чтобы вновь переработанная «Дверь» стала «малой энциклопедией вещей»: «Итак, она будет считаться более полным, правильным и точным, чем прежде, собранием вещей, и в действительности неким малым миром и энциклопедией или источником наук и искусств, где учащиеся смогут увидеть, что та или

иная вещь представляет сама по себе (ибо там будет много определений), из каких частей она состоит, что производит или чему подвергается в целом виде или по частям, каким образом прекращает свое существование и в какие вещи перерождается, и пр.»³. Поэтому и материал, подаваемый в «Двери», дабы он сделался образом этой истинной малой пансофии, охватывая все вещи мира, был расширен и расположен иным образом. Что касается расширения материала, то сам Коменский говорит: «Мы сочли целесообразным добавить некоторые названия и тем самым полнее истолковать понимаемые под ними новые предметы, в особенности это касается наук, которых насчитывают четыре: философия, медицина, правоведение и теология, или религия, так как они считаются четырьмя краеугольными камнями человеческого знания. Ведь в прошлой «Двери» понятия из области правоведения и религии не были приведены»⁴.

Когда многое было таким образом добавлено, текст переработанной «Двери» сильно вырос, но число глав и фраз Коменский все же сохранил

¹ То, что ученые мужи в это время просили Коменского, работавшего над новой версией «Двери», о странных и вздорных вещах, подтверждает письмо Мерсеню, написанное Хартлибу и Коменскому 19 апреля 1648 г., в котором мы читаем: «... и я снова тогда повторяю, что будет здорово, если господин Коменский в новом творении или сочинении, подобном «Двери к языкам», использует все пропущенные в «Двери» латинские слова как древней эпохи Плавта и Пакувия, так и средних веков и нового времени, дабы не оказалось пропущено ни одно слово, чтобы тот, кто будет пользоваться этой второй «Дверью», мог впоследствии без запинки читать и понимать все старые и новые (со времен Карла Великого) слова» (Analecta Comeniana. Coll. J. Kvačala. Iurievi, 1909. p. 107.).

² Korr. I. p. 168.

³ Meth. I. n. XV. 3 – ODO II. p. 182.

⁴ Ibid. XV. 7 – ODO II. p. 184.

прежним, дабы не казалось, что это другое сочинение¹. Он также снабдил новую «Дверь» несколькими графическими изображениями, которых, как видно из письма, отправленного 14 марта 1647 г. Вольцогену, собирался добавить еще больше², чтобы дать ученикам наглядное представление об излагаемых предметах, а в полной мере он реализовал этот замысел впоследствии в «Луцидарии»³ и особенно в «Мире чувственных вещей в картинках». Что касается нового способа расположения материала, то мы рассмотрим его ниже в связи самим характером и формой всего сочинения.

Когда в предисловии, предположительно чешскому варианту «Двери», Коменский обещал придумать для «Двери» новый метод, который был бы лучше (чем тот, к которому он следовал в ранней редакции книги) и который мог бы дать ученикам не только более полное знание языка, но и более глубокое и совершенное знание всех свободных наук, более того, когда он говорил, что эта «Дверь» находится уже «в мастерской», то он, конечно, не догадывался, какое тяжкое бремя на себя возложил. Даже в начале 1643 г., когда он приступил в Эльбинге к работе над этой поздней «Дверью», ему все еще было неясно, на какой трудный путь он вступил, ибо он надеялся иметь ее полный и

завершенный текст уже в этом году, как видно из письма, отправленного им в это время Вольцогену: «Более того, следует наперед объявить, что в этом году эта новая «Дверь к языкам» будет с Богом завершена и, как мне того хотелось, доведена до той задуманной идеи совершенства — и они обе станут приятной и веселой прелюдией к действительному учению»⁴. Но дело шло вперед не так скоро, как он надеялся, свидетельством чего является другое письмо к тому же Вольцогену, отправленное 21 апреля 1643 г.: «Я рассчитывал переделать текст «Двери» не более, чем за два или три месяца, — но у меня уже ушло на это дело четыре месяца, и я не знаю, хватит ли еще четырех: на такую массу мелочей и терний мы наткнулись»⁵. Наконец, на исходе 1647 г. Коменский, по-видимому, довел до конца весь корпус «Двери», то есть текст, грамматику и словарь, как видно из письма Вольцогену: «Хоть я и надеюсь, что смогу завершить «Дверь к языкам» (вместе с «Преддверием») со всем, что к ней относится, ко дню св. Михаила, все равно останется все, что касается структуры «Залы» (третья часть трилогии. — *Прим. ред. перев.*) — ее придется перерабатывать столь же усердно»⁶. О том, что поздняя «Дверь» была, несомненно, завершена и готова уже в начале 1648 г., свидетельствуют слова Коменского

¹ Ibid. XV. 10 – ODO II. p. 185.

² Patera A. J. A. Komenského korespondence. Praha, 1892 (далее: Patera), p. 130.

³ Т.н. «раскрашенной книге». — *Прим. пер.*

⁴ Ibid. p. 66.

⁵ Ibid. p. 67.

⁶ Patera, p. 140.

в письме Мохингеру, написанном в Эльбинге 16 апреля 1648 г.: «Поздно призывать к завершению «Двери к языкам» всеми словами Цицерона, ибо труд уже полностью готов, так что в нем ничего нельзя изменить»¹.

Так возникла эта поздняя «Дверь к языкам», которую Коменский напечатал в 1649 г. в Лешно в типографии Даниела Феттера, и только ее он отныне признавал своей, а раннюю редакцию решительно отверг. «Ту раннюю «Дверь» я более не признаю своей и хочу ее забыть», — говорит он в первом кратком предисловии, предпосланном тексту «Двери» в ODO², и в том же предисловии к амстердамскому изданию Зейделя: «... хотелось бы напечатать этот завершённый экземпляр (то есть вторую редакцию «Двери»), но не те первые попытки прежнего времени, коими являются первое — лешненское — издание и последующие (данцигское, лейпцигское, гамбургское, лондонское, парижское, женевское и прочие, в том числе амстердамское, последнее — пятиязычное), которые я более не признаю своими. Но вот позднее лешненское издание, а также шарошпатакское, шаффхаузенское, шюрихское, тюрингенское и настоящее издание Зейделя я объявляю не первой попыткой, но уже завершённым сочинением»³.

И правда, если мы посмотрим на тот объем вещей и слов, который

содержит поздняя редакция «Двери» (к которой едва ли можно еще что-то добавить), и на принцип, которому здесь следовал автор (чтобы все проистекало из единого, а затем вновь возвращалось к единому, дабы первые и последние, высшие и низшие были весьма тесно связаны и выражали и описывали всю совокупность вещей в ее гармонии), то нельзя не признаться, что Коменский тут блестяще справился с задуманным делом, и славное подтверждение этому дает материал, расположенный в одном общем виде:

I. Бог — гл. 1.

II. Природа:

1. Основания природы (первые элементы, эфир со звездами, огонь с огненными метеорами, воздух с ветрами, вода с водными метеорами, земля с минералами) — гл. 2–7.

2. Металлы (минеральные воды, металлы, обычные и драгоценные камни) — гл. 8–10.

3. Растения (растения по родам, грибы по видам, травы и плоды трав, кустарники и плоды кустарников, деревья и древесные плоды,) — гл. 11–14.

4. Животные (животные простейшие родом и видом: извивающиеся, ползающие, пресмыкающиеся; птицы и прочие летающие, рыбы и прочие плавающие, четвероногие: крупный и мелкий скот, дикie звери, амфибии) — гл. 15–19.

¹ Analecta Comeniana, p. 106.

² ODO I, p. 250.

³ С. 118 в нашем издании (*Johannis A. Comenii Janua linguarum reserata. Editio synoptica et critica quinque authenticos textus Latinos necnon Janualem Comenii textum Bohemicum continens. Praecedit commentatio de Comenii Janua linguarum reserata. Ed. J. Červenka. Praha, 1959*).

III. Человек:

1. Человек, рассматриваемый в целом (в своем рождении, течении жизни, смерти, кончине и прочее) — гл. 20.

2. Человек, рассматриваемый особо (внешние органы человеческого тела, костные и мышечные части тела, телесные соки и ветры, природные функции, жизненные функции, животные функции с чувствами, побуждениями и покоем, ум со страстями и совесть) — гл. 21—28.

3. Превратности, случающиеся с человеком помимо природы (внешние и внутренние недуги, угасание естественных свойств) — гл. 29—31.

IV. Человеческие труды, которые называются механическими:

1. Труды, относящиеся к пропитанию (садоводство, земледелие, производство муки, искусства по выпечке хлеба, искусства по производству мяса, приготовление напитков) — гл. 32—37.

2. Труды, относящиеся к производству одежды, жилищ, а также

орудия разных человеческих занятий (виды одежды, виды строительства, виды полезных ремесел, изготовление стекла, металлов, дерева, шкур) — гл. 38—42.

Дополнения:

1. Езда верхом и на повозках, плавание и мореходство, движущие машины — гл. 43—46.

2. Развлекательные искусства — гл. 47.

V. Искусства, относящиеся к человеческой культуре:

1. Идея и орудия культуры (что такое человеческая культура, грамота и книги, школы) — гл. 48—50.

2. Науки и их порядок:

А. Философия — гл. 51:

а) метафизика (идеи);

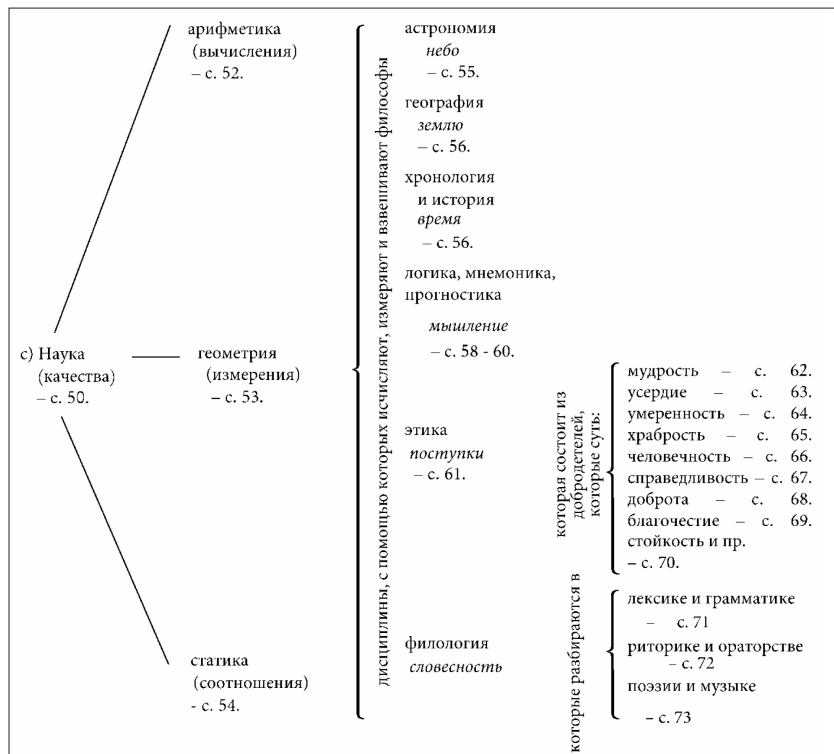
б) физика (природа).

Б. Медицина — гл. 74.

В. Юриспруденция — гл. 75.

Г. Теология — гл. 76.

3. Просвещенный образ жизни — гл. 77.

VI. Человеческое общество и его формы:

1. Семья (экономика, брачные узы, родители, наследники, перемены в экономике) — гл. 78—82.

2. Город (город, его части, их описание, городские магистраты и их задачи:

- а) доставлять достаточное количество нужных вещей — торговцы;
 - б) заботиться о здоровье — врачи;
 - с) вершить правосудие — судьи)
- гл. 83—87.

Дополнения:

1. Виды отдыха (театр, игры и пр.) — гл. 88.

2. Пиршества — гл. 89.

3. Похоронные обряды — гл. 90.

3. Государство (что такое государство и разные формы государств, король, знать, королевские чиновники, придворные; мир и война, войско и его части, оружие, виды сражений) — гл. 91—93.

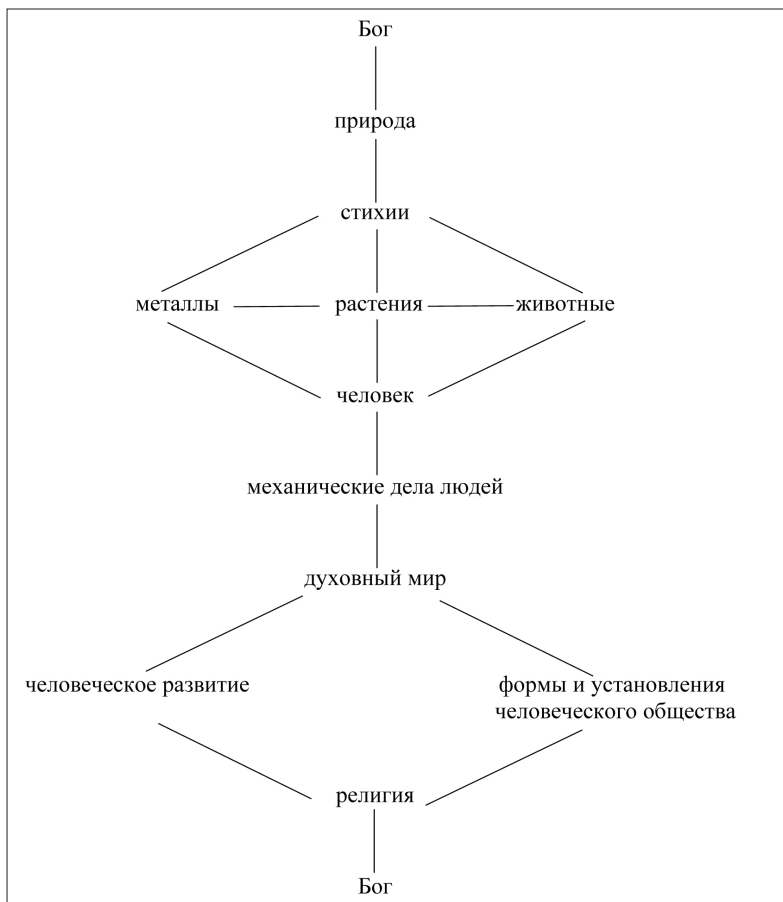
VII. Религия:

- 1. Что такое религия и разные виды религий — гл. 94.
- 2. Язычество — гл. 95.
- 3. Иудаизм — гл. 96.
- 4. Христианство — гл. 97.
- 5. Магометанство — гл. 98.

VIII. Промысел Божий и конец всего (добрые и злые ангелы, каким

образом мир управляется Богом, Страшный суд, возвращение всего сущего к Богу) – гл. 99.

Материал, если представить его в целом, образует такую схему:

Если мы рассмотрим и осмыслим общие особенности всей поздней «Двери к языкам» и принцип подачи в ней материала, то, каким образом из Бога, единого и всеобщего целого, в котором потенциально содержится все, мир разворачивается во всей своей

полноте и разнообразии и через явления природы, то есть металлы, растения, животных, доходит до человека, квинтэссенции всего сущего, который своими трудами приспособливает природу к своим нуждам и воспроизводит для себя свой собственный мир,

мир духовный, чтобы через науки, через нравственные заповеди, через общественные установления подняться к вере и вновь соединиться таким образом с Богом, то мы увидим, что перед нашими глазами действительно вырастает дерево мира Коменского. Поэтому Коменский, когда он говорит в предисловии, предпосланном шарошпатакскому изданию «Двери», что здесь перед глазами читателя разворачивается некая всеобщая история вещей¹, то он не преувеличивает действительность. Он на самом деле исполнил в поздней «Двери» те законы написания истинной энциклопедии, которые некогда сформулировал в «Предвестнике»², то есть законы пансофии, которая является живым образом универсума, пребывающего во всесторонней связи сам с собой, всесторонне одушевляющим сам себя, отовсюду наполняющим сам себя плодами. Эта «Дверь», охватывающая все вещи универсума определенным и органическим образом, передающая не только природные и человеческие вещи, но и духовные, — которыми, как часто жалуется Коменский, авторы энциклопедий того времени пренебрегали и отделяли философию, то есть науку о явлениях природы, от теологии³, — по праву должна считаться не-

кой малой пансофией, первой и несомненно замечательной ступенью к той истинной и полной пансофии, которой Коменский в полной мере отдавался в последние годы своей жизни.

Переработанная «Дверь к языкам» снискала одобрение многих ученых мужей, о чем свидетельствуют не только письма Кольбовия⁴, но и отзывы Шпльяса⁵, Штоккара⁶ и прочих, хотя многим, тем не менее, показалась сложной для обучения детей⁷, и не без основания. Ибо Коменский, чтобы создать эту малую энциклопедию вещей, наполнил свой труд столькими разными словами — редкими и малоупотребительными, причем не только латинскими, но и греческими и варварскими, что можно было решить, что Коменский, хотя и сумел подать материал гораздо лучше, впал в ту же ошибку, что и первые издатели, дополнявшие текст «Двери», так как постоянно вставлял не простые перечни названий, но все выражения, правда, осмотрительно и расположенными по порядку. Ведь если мы почитаем поздний текст «Двери», то удивимся, сколько всего должен был охватить ум ребенка. Почти бесконечные ряды разных ремесленных инструментов, названия и обозначения планет и звезд, чуть ли не все недуги

¹ С. 116 в нашем издании (*Johannis A. Comenii Janua linguarum reserata. Editio synoptica et critica quinque authenticos textus Latinos necnon Janua Comenii textum Bohemicum continens. Praecedit commentatio de Comenii Janua linguarum reserata. Ed. J. Červenka. Praha, 1959*). — ODO III. p. 218.

² § 39 — ODO I. p. 423.

³ Ср.: Prodr. 26 — ODO I. p. 415 sq. Diluc. 12 — ODO I. p. 467.

⁴ PR I. p. 240.

⁵ Ibid. I. p. 318.

⁶ Ibid. I. p. 326.

⁷ Korr. I. p. 148.

и беды, постигающие человеческое тело, вся логика в зачаточном виде, законы и правила почти всей поэтики и риторики и многие другие вещи предлагались для изучения мальчикам одиннадцати или двенадцати лет, умы которых никоим образом не были способны объять все это. Поэтому она не слишком распространилась, и последовало лишь несколько ее изданий, тогда как текст ранней «Двери» неоднократно переиздавали, невзирая на мнение Коменского.

Текст поздней лешненской «Двери» Коменского представляет первую версию второй редакции «Двери» и, насколько нам известно, впоследствии издавался дважды. Первым из этих изданий является то, что увидело свет в силезской Олеснице в типографии Зайферта, а вторым — то, что вышло в Лондоне в 1656 г. иждивением Джона Кларка.

Олесницкое издание носит заглавие: «Открытая дверь латинского языка Яна Амоса Коменского, естественным образом излагающая структуру вещей и языка. По мысли автора, для преподавания по законам метода «Двери» в школе силезской Олесницы. Олесница, типография Иоанна Зайферта». Оно обращает на себя наше внимание по ряду причин. Как видно из названия, этот

текст «Двери» был издан только для нужд олесницкой школы, где он должен был преподаваться по законам метода «Двери», а не по законам «Новейшего метода языков», как, например, было указано Коменским в заглавии поздней лешненской версии «Преддверия». Текст этого издания почти дословно совпадает с поздним лешненским текстом, но предисловие Коменского, предпосланное последнему, здесь опущено, и издатель привел вместо него слова параграфа 16 гл. 15 «Новейшего метода языков»¹. Далее год издания также отсутствует в заглавии.

Это обстоятельство, по-видимому, заставило автора перечня книг Коменского, которые держал тогда в своей библиотеке некий Рихард Арон, берлинский учитель² (ведь это — первое упоминание об олесницком издании «Двери», то, которое внесли в свои списки Квачала³ и Зибрт⁴), считать, что данное олесницкое издание вышло раньше позднего лешненского издания Коменского, и в своем примечании к заглавию олесницкой «Двери» датировать его 1647 годом, — нам неясно по какой причине. То, что это мнение лишено достаточных оснований, показывают три обстоятельства: во-первых, едва ли следует считать вероятным тот факт, что Коменский

¹ По поводу текста «Двери» следует напомнить, что нами дается только латинский текст, а перевод на родной язык исключается, и мы призываем и умоляем навсегда его исключить (например, из изданий, которые готовятся для нужд школяров), ибо по теории нашего метода он должен воспроизводиться старанием самих учеников (при помощи словаря и грамматики).

² Этот перечень без указания имени автора приведен в: *Monatshefte der Comenius-Gesellschaft*. II. 1893, p. 146–148. Олесницкая «Дверь» отмечена на стр. 147.

³ PR II. p. 177.

⁴ ВСН V. p. 425 nr. 19042.

предоставил Иоанну Зайферту, олесницкому типографу, рукописную версию поздней «Двери» в готовом и окончанном виде в то время, как еще не вышло в свет его лешненское издание. Во-вторых, что является немаловажным, позняя «Дверь» еще не была завершена Коменским в 1647 г., как видно из письма к Вольцогену от самого конца 1647 г.¹ И, наконец, в-третьих, «Новейший метод языков», слова которого приведены во введении к олесницкому изданию, был, как известно, доведен автором до конца в 1647 г. и издан только в 1648 г. Отсюда следует несомненный вывод: олесницкое издание «Двери» никоим образом не могло выйти в 1647 г. Но датировать это издание очень трудно, более того, невозможно. Наиболее вероятным, однако, представляется, что оно вышло в свет чуть позже позднего лешненского издания, возможно, в 1649 г., и ранее шарошпатакского издания, которое предлагает уже исправленный и очищенный Коменским текст, то есть до 1652 г.

Что касается лондонского издания «Двери» Кларка, то оно вышло в 1656 г. под названием «Открытая дверь к латинскому языку, естественным образом излагающая структуру вещей и языков (по законам «Новейшего метода языков»), написанная Яном Амосом Коменским. С добавлением этимологического списка отдельных слов из словаря «Двери», Варрона, Скалигера, Исидора и других уважаемых авторов. Напечатал G.D. (в

английском заглавии, которое следует далее, W.D.)». Этот текст «Двери» дословно совпадает с поздним лешненским изданием, за исключением параграфов 618–633, 962–963, которые следуют шарошпатакскому тексту, в силу чего опровергается примечание Игнатия (Ченека) Зибрта, сделанное в перечне книг, относящихся к чешской истории², под № 18918, что это, мол, то самое издание, которое Коменский отверг в предисловии к своему «Дополнению»³. Ведь в этом месте «Дополнения», в своем письме от 1 января, Коменский пишет Рулицию: «Ты уже знаешь, что недавно ошибся и ввел меня в заблуждение, когда сообщил, что наше последнее издание «Двери» (более полное и имеющее вид малой энциклопедии в большей мере, чем прежнее, которое мы более не признаем своим) переведено на английский язык и открыто продается. Ибо мы постарались достать один экземпляр и просмотрели его: и вот, это оказалось старое издание, всего лишь расширенное за счет новых дополнений, которых я еще не видел. Первым из них была предпосланная «Преддверию» и нашей «Двери» «Начала Двери к латинскому языку» (*Januae Latinitatis fundamentum*), как ее угодно было назвать автору (который указал свое имя всего лишь инициалами G.P.): это — основы латинского языка, включенные в текст». Итак, это издание никоим образом не могло быть тем упомянутым выше изданием Кларка, так как

¹ Patera, p. 140.

² VČN V. p. 406.

³ ODO IV. p. 9.

последнее, во-первых, содержит поздний лешненский текст, составленный, как сказано в заглавии, по законам «Новейшего метода языков», во-вторых, мы не находим там ни раннего текста, который Коменский уже отверг, ни «Преддверия», ни «Начал Двери к латинскому языку», и, в-третьих, ее издатель указал свое имя не буквами **G.P.**, а буквами **G.D.** (по-английски **W.D.**). Коменский, несомненно, имел здесь в виду издание, подготовленное Томасом Горном и Иоанном Роботэмом, в английском заглавии которого мы читаем: **«As also, there is now newly added the Foundation to the Janua, containing all or the chief Primitives of the Latin Tongue, drawn into Sentences, in an Alphabetical order by P.G.»**, и которое предлагает расширенный издателями ранний текст «Двери» с предпосланными ему «Преддверием» и «Началами Двери к латинскому языку». Это издание, о котором мы упомянем в следующей главе, впервые вышло, как кажется, в 1640 г.¹ и — насколько мы смогли выяснить — переиздавалось в 1643, 1647, 1650, 1652 и 1659 гг. Но, поскольку Коменский писал в начале 1657 г. в адресованном Рулицию письме о книге, недавно ему присланной и, без сомнения, недавно изданной, последняя никак не может являться книгой, изданной на средства Кларка, но должна рассматриваться как издание «Двери», воспроизводящее текст ранней редакции «Двери» и содержащее «Начала Двери к латинскому языку»,

подготовленное **G.P.** и выпущенное в свет в 1656 г.

Рассмотрев первую версию второй редакции «Двери», то есть второе лешненское издание, перейдем ко второй версии, переделанной для нужд школы в Шарошпатаке. Когда Коменский был призван в 1650 г. в Шарошпатак, то с трудом добился разрешения обновить и исправить к лучшему распорядок школы, которая там была. Сперва в мыслях у него было провести в действие свой план семиклассной пансофической школы, изложенный в его собственном сочинении, которое называлось «Пансофическая школа»², но, так как многие были против и не хотели, чтобы их дети так долго учились в школе, ему пришлось согласиться лишь на трехклассную школу. Итак, в Шарошпатаке было три класса школьного обучения — классы «Преддверия», «Двери» и «Залы», для каждого из которых Коменский подготовил книги, то есть словарь, грамматику, тексты, пользуясь теми, которые написал в Эльбинге. Так, в шарошпатакской типографии был издан свод «Школьного обучения» (*Eruditio scholastica*), содержавший три части, второй ступенью которого и является та переработанная «Дверь», окончательно отшлифованная, как говорит Коменский, в Шарошпатаке, «которая (в сравнении со вторым лешненским изданием) не претерпела никаких изменений, кроме более правильного порядка слов, а именно, чтобы подлежащее всегда предшествова-

¹ Когт. I. p. 92.

² ODO III. p. 7–58.

ло сказуемому, и они бы стояли близко друг к другу, дабы везде была лучше видна естественная структура речи»¹. Что касается самого содержания, то Коменский, без сомнения, верно пишет, что эта «Дверь» не подверглась изменениям; ведь ничего не было ни добавлено, ни убавлено. Но если мы обратим внимание на форму этой версии «Двери», то впечатление будет обратным: ведь вряд ли найдется хотя бы одно высказывание или изречение, в котором не был бы изменен порядок слов. Коменский, без сомнения, следовал здесь правилу, чтобы ученики могли легче понимать то, что читали, и его «более правильный порядок слов» — это не что иное, как то, чего учителя в гимназиях обычно требовали от учеников в те времена в случае, если более длинную или сложную греческую или латинскую фразу требовалось перевести на родной язык, а именно: выстроить отдельные части так, чтобы последующие словосочетания следовали за первым, чтобы во всяком предложении подлежащее занимало первое место, за ним следовало сказуемое, а потом — в определенном порядке прочие части речи. Вот то, что Коменский стремился переделать в «Двери»; ибо он видел, что текст слишком сложен для детских умов, и поэтому выстраивал слова в таком порядке, что фраза с первого взгляда становилась ясна, и трудности учения уменьшались. Это изменение, которое произведено, конечно, в пользу учащихся, а не в пользу чистоты латинского языка, ученые мужи

часто ставили Коменскому в вину.

Шарошпатакский текст «Двери» в неизменном виде еще при жизни Коменского выдержал четыре издания:

1. В Шафхаузене в 1656 г. на средства Иоганна Каспара Сутера; в 1659 г. текст был переиздан.

2. В Данциге в 1657 г. на средства Якова Зецкия.

3. В Амстердаме в 1657 г. в сборнике ODO, в части III, стр. 473—592; подготовкой этого сочинения занимался сам Коменский.

4. В Лондоне в 1662 г. в типографии Роджера Даниила.

Тюбингенское издание от 1659 г. и Цюрихское от 1661 г., исправленные или дополненные в некоторых местах издателями, не содержат неизменного текста Коменского, а значит, не могут считаться подлинными текстами Коменского. Мы скажем о них несколько слов в гл. V.

Приступим, наконец, к третьей версии поздней редакции «Двери к языкам», которая была издана в Амстердаме в 1666 г. наследниками Иоганна Зейделя и снабжена предисловием Коменского. Хотя Квачала привел в перечне подлинных трудов Коменского только две версии поздней редакции, то есть позднее лешненское издание от 1649 г. и шарошпатакское от 1652 г.², мы все же, перечитав предисловие Коменского, считаем, что и эту версию также следует признавать подлинным текстом Коменского. Ведь о Зейделе там сказано только то, что им был осуществлен голландский пере-

¹ ODO II. p. 304.

² PR II. p. 167.

вод, и нет никакого упоминания о том, будто он каким-то образом приложил руку к переделке латинского текста, предлагающего многочисленные варианты чтения, отличные от позднего лешненского и шарошпатакского изданий¹. Напротив, из того же предисловия следует, что сам Коменский вновь переделал текст «Двери» для нужд этого издания. Так, он говорит здесь² об «этом сочинении, как об еще более усовершенствованном благодаря позднейшим стараниям», и, заявив, что признает ныне своими текстами «Двери» только позднее лешненское издание, шарошпатакское, шаффхаузенское, цюрихское, тюбингенское и это Зейделево, и решительно отвергнув раннюю редакцию «Двери», продолжает ниже: «Я знаю, что некоторые ставят мне в вину то, что я вношу изменения в эту мою [книгу] (или в некоторые другие), будто бы мы, пока живем, не учимся мудрости, или это якобы не идет на пользу мудрости. Но разве не на пользу идет стремление выявлять несовершенство, заблуждения и ошибки и менять их к лучшему? Таким был мой образ мыслей до самой старости, и я не жалею, что стремлюсь к лучшему»³. Из этих слов ясно видно, что Коменский хотел сказать, что он также и этот текст «Двери» переделал, так как слова «эту мою» означают, конечно, не что иное, как эту самую

«Дверь». Отсюда же мы понимаем и причину переделки; ведь ни одно сочинение не казалось Коменскому совершенным, и он каждое постоянно старался исправить, сделать лучше, как сам говорит в поздней «Двери»: «Пусть продают и часто печатают хорошо отделанную книгу, но надо смотреть, чтобы издание всегда было более полным или, по крайней мере, более исправленным...»⁴.

Зейделево издание «Двери» было последним, которое Коменский правил, и его следует признать третьей версией второй редакции «Двери». А теперь, рассмотрев все это, подведем итоги: есть всего шесть подлинных текстов «Двери» Коменского, из которых первую редакцию представляют три версии, то есть первое лешненское издание 1631 г., данцигское 1633 г., которое автор позже включил в сборник ODO, и чешское 1633 г., которое является переводом «Двери» на чешский язык. Вторая редакция, основательно переделанная, также представлена тремя версиями, а именно: поздним лешненским изданием 1649 г., шарошпатакским 1652 г., повторно напечатанным автором в сборнике ODO, и амстердамским Зейделя 1666 г. К этим подлинным текстам «Двери» присоединяются многие другие, разным образом измененные и дополненные разными издателями. Коротко рассмотрим их в следующей главе.

¹ С. 117 и сл. в нашем издании (*Johannis A. Comenii Janua linguarum reserata. Editio synoptica et critica quinque authenticos textus Latinos necnon Janua Comenii textum Bohemicum continens. Praecedat commentatio de Comenii Janua linguarum reserata. Ed. J. Červenka. Praha, 1959*).

² Ibid. p. 117.

³ Ibid. p. 118.

⁴ § 498.